

Золотой фонд МГИМО

Наш журнал пополняется новой рубрикой. Мы посчитали, что раз современный человек большую часть новой информации получает с помощью эмоций, через эмоции, то будет разумно на помощь научному ratio призвать согретое сердцем, выверенное моральными постулатами человеческого воспитания знание, содержащееся в воспоминаниях людей, в целом в мемуаристике как литературном жанре. И именно в этой сфере, по всей видимости, можно прикоснуться к одной из самых сокровенных тайн рода людского — зарождению и развитию традиций, до недавнего времени почти в одиночестве отважно стоявших на страже его бессмертия. Но и сегодня, когда человечество обзавелось вселенским социальным разумом, наши надежды в «осевые времена» всеобщих перемен вновь и вновь обращаются к ставшим уже традиционными светлым ценностям гуманизма. И мы ищем ответы на волнующие нас вопросы в жизненном опыте, творчестве и деяниях людей, продолжающих раздвигать горизонты истории, наделяя ее новыми качествами и возможностями.

МГИМО, как нам представляется, зиждится на славных традициях, а его перманентно инновационный курс и успехи на этом пути до сих пор питаются интеллектуальной силой и научной прозорливостью конкретных людей, и хорошо нам известных, и пока что мало или недостаточно известных, во всяком случае, нынешним поколениям наших студентов. Постижение истины и служение Отечеству — главные ценностные традиции МГИМОВского образования и воспитания. В этой связи не могу не высказать удовлетворение тем, что рубрика начинает свою жизнь обнародованием глубоко личностных, и в то же время научно объективных очерков о Д.В. Ермоленко, Ю.А. Замошкине, Н.Н. Разумовиче, А.М. Салмине, И.Г. Тюлине. Они принадлежат перу А.В. Шестопада, также известному представителю МГИМОВской школы философии. И это добрый знак, обещающий рубрике интересное будущее.

Главный редактор журнала
«Вестник МГИМО-Университета»,
Академик РАН

А.В. Торкунов

Лица и поколения

А.В. Шестопад

В воспоминаниях автора о крупных ученых и педагогах, выпускниках МГИМО, прослеживается становление традиций и связь поколений МГИМО, формирование научных школ МГИМО, влияние ученых МГИМО на возрождение и развитие отечественной философии, социологии и политологии.

Когда-то я участвовал в подготовке презентации в МГИМО последней крупной монографии Юрия Павловича Францева — легендарного «папы Юры», академика и воспитателя целой плеяды мгимовских академиков. Он всегда называл МГИМО лицеем. Мы, студенты, спросили его тогда: Юрий Павлович, а почему лицей? Он рассказал, как переехав после войны из Ленинграда (где провел блокаду) в Москву и став ректором МГИМО, он ощутил связь между Александровским лицеем, выросшим в атмосфере 1812 года, и МГИМО, впитавшим дух Победы 1945 года. Конечно, повлияло и то, что МГИМО досталось здание Николаевского лицея в Москве.

Александровский лицей не пережил российскую смуту начала XX века. МГИМО пережил российскую смуту конца XX века. Пережил благодаря своим традициям, заложенным во время Францева, и благодаря новаторскому руководству Торкунова и его команды.

В нашем Лицее с особой силой ощущается связь поколений, связь прошлого, настоящего и будущего в истории России. В одном из выступлений Анатолий Васильевич Торкунов сказал: Вы хотите знать, какой будет внешняя политика России через 20 лет? Познакомьтесь с нашими студентами — они будут ее делать.

Я многим обязан МГИМО. В первую очередь, учителям и сверстникам. О них и пишу в этих очерках. Но

Шестопад Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии МГИМО (У) МИД России, kfmgimo@gmail.com

в не меньшей степени я благодарен нашим студентам и аспирантам, их оптимизму, открытости к новой ситуации в России и в мире.

**Дмитрий Владимирович Ермоленко
(1923–1986)**

Участник Великой Отечественной войны. Окончил МГИМО. Один из основоположников отечественной социологии международных отношений. С 1953 г. по 1969 г. преподавал в МГИМО, в 1959–1969 гг. — проректор.

Вспоминая Дмитрия Владимировича Ермоленко, я сразу отчетливо вижу его внешний образ — невысокий, но крупный и плотный, с веселым прищуром одного глаза и характерным движением рук: он словно отряхивался, выходя из воды. Подвижный и динамичный, он был заметен в любой аудитории — на совещании, конференции, выставке, концерте, приеме. Всегда и всюду от него шла волна энергии и доброжелательности.

Ермоленко принадлежал к поколению лейтенантов, которые из окопов и госпиталей пришли в аудитории только что созданного МГИМО и вместе со своими профессорами — Удальцовым, Францевым, Тарле, Крыловым, Шишкиным — заложили основы мгимовских традиций и научных школ. В глубине души Дмитрий Владимирович навсегда остался лейтенантом-артиллеристом, сохранив радость и гордость Победы, увлеченность жизнью, верность фронтовому и студенческому товариществу.

Лейтенантское поколение мгимовцев выдвинуло плеяду ученых, разработавших послевоенную отечественную теорию международных отношений — теорию перехода от жестко конфронтационных отношений периода горячей и холодной войны к системе разносторонних политических, экономических, культурных взаимосвязей стран и регионов с разными политическими традициями и режимами. Я думаю, что со временем мы еще вернемся к опыту «разрядки» и внимательно перечитаем работы Иноземцева, Ермоленко и их сверстников, отмеченные искренним стремлением к миру и реалистическим — военным, боевым опытом пострадавшим — отношением к балансу сил в мировой политике.

Среди теоретиков-международников своего поколения Ермоленко был одним из пионеров в разработке проблем новых информационных технологий. Собственно, он и перешел из МГИМО в МИД с идеями моделирования международных ситуаций, системного прогнозирования и планирования на основе компьютерной обработки информации. Вначале был спецкурс в МГИМО, потом семинар в МИДе с участием математиков, системщиков. Мы обсуждали труды Винера, Парсонса, Дойча, Хоффмана, Каплана, Кана, Галтунга, Бжезинского, Хантингтона ... Мой первый доклад у Дмитрия Владимировича состоялся весной 1965 года и был посвящен региональным моделям развития (по материалам Экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки).

Ермоленко был увлечен совершенно по-студенчески. Он штудировал учебники и монографии по информатике и математике. В виде отступления вспоминается забавная сценка того времени ... «Дипломатический» пляж на Николиной горе. Сидит дачная компания, среди которой два математических аса — лауреат Нобелевской премии экономист Леонид Витальевич Канторович и известный геометр, декан МГУ Николай Владимирович Ефимов. Подъезжает делегатская «Чайка», где с гостями приехал и Ермоленко. Он подходит, знакомится со всеми, завязывается общий разговор, и Ермоленко обрушивает на Канторовича и Ефимова лавину отнюдь не пляжных математических вопросов. Разгорается спор, смысл которого мне уже непонятен, но чувствуется, что Ермоленко «держит удар». Наконец, ему приходится прервать разговор и вернуться к своей делегации. Рассеянный Ефимов переспрашивает:

- Кто он?

Я говорю:

- Профессор МГИМО.

- Экономист?

- Нет, философ.

- Ну? Тогда с меня бутылка коньяка.

Увлечение компьютерным моделированием и использованием АСУ для регулирования политических, особенно военно-политических, ситуаций и в США («компьютерная война» Макнамары во Вьетнаме), и у нас довольно быстро сошло на нет. И только сейчас, на новом витке развития и социологии, и политологии становится понятным, что многое из сделанного в ту пору было совсем не так наивно, как представлялось в первые годы разочарований. Само определение границ количественных методов имело несомненную ценность. А у жестких парсоновских разграничений оказались свои преимущества перед тем сентиментальным растворением всего во всем, которое возобладало в годы «нового политического мышления».

Для Дмитрия Владимировича начался период сложного поиска своей ниши в механизме МИДа. У него была возможность вернуться к преподаванию, перейти в академический институт, просто продолжать работать в центральном аппарате или уехать в командировку. Но вот тут-то и была загвоздка. Он не хотел «просто». И дело было не в обычном честолюбии, хотя честолюбие у него было, и чувство соревнования было развито в лейтенантском поколении мгимовцев (быстро превращавшемся в генеральское). Он хотел, чтобы было «интересно» и чтобы было «свое». Он маялся, потому что уравнение, которое он хотел бы решить, еще надо было построить. И он его построил. Он создал функцию, которой ранее не существовало. Стал соединяющим звеном между Академией наук и МИДом, большой наукой и большой политикой.

От масштаба автономного центра (отдела, управления) сбора и обработки данных Ермоленко шел к масштабу общей системы взаимодействия между

внешней политикой и фундаментальной наукой. Он практически решал ту самую задачу «востребованности» науки, о которой стенали многие академические мужи. От частных вопросов использования компьютерных технологий для исследования ситуаций в рамках уже сложившейся системы мирового сообщества он шел к вопросам принципиальных изменений в системе международных отношений под влиянием новых информационных технологий. Он создавал теорию международных отношений постиндустриального, информационного общества.

Дмитрий Владимирович работал на стыке политики и науки, на стыке философии, социологии и политологии. Он помогал выводить нашу философию из изоляции, налаживал международные связи молодой отечественной социологии и политологии. Ермоленко хорошо знали и уважали во многих международных научных организациях и особенно в ЮНЕСКО, в работе которой он принимал участие на протяжении многих лет.

Для Дмитрия Владимировича было характерно рассмотрение задач государственной дипломатии на фоне всей сложной системы внешних связей — экономических, политических, культурных, информационных ... В составе внешнеполитических отношений он особо выделял взаимодействие государственной дипломатии и дипломатии партийной, усматривая в межпартийных отношениях подчас более гибкий инструмент для проведения общегосударственной политики. При весьма сложных отношениях между руководством МИДа и Международного отдела ЦК КПСС он и здесь часто играл роль соединяющего, согласовывающего звена, используя свой научный авторитет, человеческое обаяние и мгимовскую солидарность.

Расхожее мнение, что дипломат должен являть образец партийной нейтральности и автоматически выполнять указания очередного правительства, не распространялось на Ермоленко. Он чувствовал себя гражданином и политиком, стратегом и тактиком. Прекрасно зная правительственные, партийные, академические механизмы, он умело их использовал. В науке его референтной группой была академическая команда мгимовцев во главе с Иноземцевым. В политике вместе с Рыженко он ориентировался на Андропова. Во внутренней и внешней политике Дмитрий Владимирович был сторонником тщательно взвешенных и решительных ходов, направленных на поддержание динамического баланса развития и стабильности — национальной безопасности в первую очередь.

При всех своих разнообразных занятиях и интересах он оставался педагогом, профессором, организатором учебной и научной работы. Таким я его помню и по МГИМО, и по Институту общественных наук. Ермоленко сформировался как педагог, когда в МГИМО еще живо чувствовались традиции фундаментальной науки, воспринятые от МГУ. Потом стали нарастать специализация, прикладной уклон, что, как считал Ермоленко, по-своему неплохо, но

до определенного предела. Сейчас, когда МГИМО стал университетом и когда так важно в новых условиях найти верное соотношение между базовыми курсами и специализацией, я часто вспоминаю, как Ермоленко, будучи проректором, отстаивал полные курсы всеобщей истории, истории права (обязательно включающие античность!), боролся за свою любимую математику. При этом он был сторонником включения аспирантов и студентов в конкретные исследования по внешней политике, был инициатором первых деловых игр и ситуационных анализов по международным отношениям.

Главное, Дмитрий Владимирович тепло, сердечно относился к своим коллегам, к студентам. Каждого мгимовца, с первокурсника начиная, он считал своим товарищем и не жалел для него ни времени, ни сил. Его квартира на Новом Арбате была открыта для друзей и в радости, и в тревоге, и в бедах. И кто только из нас не встречался и не отогревался душой в его дружной семье! Дмитрий Владимирович и Евгения Федоровна жили широко и интересно. Круг их общения был разнообразен. Их дом заряжал бодростью и оптимизмом. Я обязан Дмитрию Владимировичу многим. Мои представления о системе международных отношений во многом сложились под влиянием его лекций и семинаров в МГИМО и МИДе. Потом мы неоднократно вместе вели семинары и «круглые столы» в ИОН, и я учился у него педагогическому мастерству. Ермоленко был создателем секции философии политики и международных отношений в Философском обществе СССР. Эту секцию он возглавлял в 60–70-е годы, потом передал мне председательские полномочия. В 80-х годах мы с ним встречались на заседаниях президиумов трех научных обществ — философского, социологического, политологического и в Национальной комиссии ЮНЕСКО. Дмитрий Владимирович щедро делился со мной и другими молодыми коллегами своим опытом, международными связями и контактами.

Был период, когда мы особенно тесно сотрудничали с Дмитрием Владимировичем и он был моим рекомендателем и поручителем не только в научных, но и политических вопросах. В 1967 году по его рекомендации я почти год проработал референтом Роднея Арисменди, лидера компартии Уругвая и одного из наиболее известных левых теоретиков того времени, автора книги «Проблемы континентальной революции». Арисменди бывал наездами в Москве, иногда оставался на два-три месяца, работал над новой книгой. В обстановке крайне напряженных отношений между руководством КПСС и Фиделем Кастро (Кастро создал сеть параллельных коммунистических организаций в Латинской Америке, ориентировавшихся не на Москву, а на Гавану) Арисменди остался единственным из лидеров старых компартий в Латинской Америке, кто не утратил возможностей контактировать и дискутировать с Фиделем.

В Москве к Арисменди и к его теоретическим построениям относились с особым вниманием. Кроме

Пономарева, который отвечал за все межпартийные связи как зав. международным отделом ЦК КПСС, над Арисменди шефствовал еще Рашидов, курировавший в Политбюро контакты с развивающимися странами и движением «неприсоединившихся стран». По «философской» линии Арисменди опекали Федосеев и Ермоленко. При встречах с Роднеем и его женой Альсирой Пономарев любил подчеркнуть, что является академиком и теоретиком, вице-президент Академии наук Федосеев, наоборот, подчеркивал, что он член ЦК и политик, Рашидов напоминал, что он писатель и деятель культуры. Ермоленко ничего не подчеркивал, всегда оставался самим собой. У него быстро установились доверительные отношения с Арисменди и урутвайцами, которые окружали Роднея в Москве.

Вместе с Арисменди и Ермоленко я не раз бывал в Институте общественных наук, где ректором был Рыженко (до этого Рыженко был ректором, а Ермоленко — проректором МГИМО). Во многом это предопределило мою последующую работу. После аспирантуры я пришел в ИОН на кафедру моего научного руководителя Юрия Александровича Замошкина. Дмитрий Владимирович преподавал на этой кафедре по совместительству, как правило, работая с политическими лидерами и ведущими теоретиками партий, консультируя по вопросам подготовки программных партийных документов.

Некоторое время спустя я был назначен заместителем заведующего кафедрой. Кафедра была большой и сложной. Мы вели курсы не только по философии, но и по социологии, политологии, культурологии и праву. То есть это была не столько кафедра, сколько «департамент» — мини-факультет. Обстановка в коллективе была в те годы напряженной. Среди ветеранов кафедры, пришедших в ИОН еще до Рыженко, людей с большим партийным стажем и связями в аппарате ЦК, сложилась стойкая и зубастая оппозиция Рыженко и мгимовской команде, которую он привел с собой.

В ИОНе учились представители более 60 коммунистических, социалистических и революционно-демократических партий. Рыженко настаивал на высоком профессиональном уровне преподавания.

Профессионализм служил опорой в острых дискуссиях, развернувшихся в начале 70-х годов в левом движении с еврокоммунистами и с леворадикалами. Замошкин форсировал научную работу молодой части кафедры (впоследствии на этой кафедре было защищено 12 докторских диссертаций) и приглашал вести спецкурсы Мамардашвили, Ильенкова, Мотрошилову, Кона, Грушина, Соловьева, Разумовича, Степанянц, Араб-Оглы ... Но высокий уровень профессионализма неразрывно связан с творческим поиском, свободомыслием, рамки которого после 1968 года сужались. Шаг вправо, шаг влево, неосторожная формулировка — стрельба открывалась без предупреждения. Рыженко, кстати, не спешил к нам со спасательным кругом. ФДР (как мы его звали на манер Рузвельта) считал, что каждый должен уметь плавать сам.

В таких ситуациях Замошкин включал свои внешние связи. Я, как правило, вел переговоры с внутренней оппозицией. Если все это не срабатывало и тучи сгущались, мы звонили Ермоленко и я отправлялся на Смоленку. Там все обстоятельства, участники, формулировки учитывались, складывались в модель «кризисной ситуации», принималось решение, снималась трубка «вертушки» — силы быстрого реагирования начинали действовать. «С одним условием, — Ермоленко это повторял мне неоднократно, — вы не имеете права ни на кого обижаться. Дать отпор и подвести черту. Обидчивость и мсти-тельность — это дилетантизм в политике».

Наступил момент, когда Рыженко и Замошкин ушли из ИОН. Мне стало неуютно. Замаячили предложения по переходу на другую работу. И я снова поехал к Дмитрию Владимировичу. В подарок я вез свою первую монографию по социологии в Латинской Америке.

Пока я делился переживаниями, он сидел, листал мою книжку, потом подошел к окну (вид из окна его мидовского кабинета был замечательный — на закат, на Поклонную гору), помолчал и сказал, отвечая не только мне, но, вероятно, и своим мыслям: «Уйти, сдать позиции, подать в отставку ... Обидеться, одним словом. Нет, это непрофессионально и неспортивно. Давайте лучше напишем еще по одной книге».

Юрий Александрович Замошкин (1927–1993)

Окончил МГИМО. Внес большой вклад в возрождение отечественной социологии. Автор фундаментальных работ по американистике. С 1952 г. по 1967 г. преподавал в МГИМО.

Когда мы восстановим подлинную историю отечественной философии и науки последних десятилетий, очистив ее от идеологических пристрастий, старых и новых, и взяв за критерий оценок талант, профессионализм и порядочность, фигура Юрия Александровича Замошкина займет в ней достойное место.

Прежде всего, представляет значительный интерес научное наследие Ю.А. Замошкина, его труды по философским и социологическим проблемам личности, ценностным и политическим ориентациям современного общества. Работы Ю.А. Замошкина остаются не только путеводителем по истории общественного сознания западного общества XX века (в первую очередь США), но и помогают разобраться в актуальных проблемах, связанных со становлением новых форм сознания в России.

Далее, велико значение педагогической и научно-общественной деятельности Ю.А. Замошкина, его вклада в восстановление социологии в России, в развитие ведущих отечественных научных школ. Нельзя не сказать также о том, что Ю.А. Замошкин был яркой фигурой во всем поколении

"шестидесятников". Дом Ю.А. Замошкина и его жены — талантливого ученого-философа Н.В. Мотрошиловой — был одним из центров притяжения культурной Москвы тех лет.

Думаю, что самое глубокое влияние на формирование личности Ю.А. Замошкина связано с родительской семьей, с кругом друзей его отца, известного искусствоведа, с впечатлениями от шедевров русской живописи. Юрий Александрович знал подлинную, неусеченную историю русской культуры XX века, во многом скрытую тогда от наших глаз. Так, мальчиком он пересмотрел сотни картин русского «авангарда» в запасниках Третьяковки.

Затем, конечно, влияние академика Ю.П. Францева, его научного руководителя, ректора МГИМО, воспитанника одной из лучших в России гуманитарных школ — историков-античников Петербургского университета. В трудах Ю.П. Францева тонкое чувство историзма сочеталось с живым интересом к современной политике, философии и социологии XX века. Большое влияние на Ю.А. Замошкина оказал А.Ф. Шишкин — основатель кафедры философии МГИМО — и своими трудами по проблемам этики, и опытом педагога, руководителя кафедры, умевшего создать в научном коллективе атмосферу творчества, взаимного уважения и доверия.

В одну из первых, еще аспирантских, поездок Ю.А. Замошкина в США его неожиданно пригласили выступить в университетской аудитории по проблемам морали в современном обществе. Он взял за основу доклада главу из книги А.Ф. Шишкина и стяжал успех. «Ко мне подходили, — рассказывал он, — жали руки и говорили: «Молодой человек, какие у вас благородные взгляды!»».

Я не хочу идеализировать взаимоотношения Ю.А. Замошкина с Ю.П. Францевым и А.Ф. Шишкиным. Они представляли разные поколения, с разным жизненным опытом, и это сказывалось на оценках отдельных ситуаций, поступков, публикаций. «Старики», конечно, были не консервативнее, но осторожнее. Однако в наиболее важных вопросах направленность их оценок совпадала.

Из ровесников на творческое становление Ю.А. Замошкина, по его словам, во многом повлиял Юрий Семенов — философ-мгимовец, сын нобелевского лауреата химика Н.Н. Семенова. (Ю.А. Замошкин очень любил парный портрет молодых Н.Н. Семенова и П.Л. Капицы работы Бориса Кустодиева.) Ю.Н. Семенов занимался философией истории.

Ю.А. Замошкин принадлежит к «кружку» мгимовцев, сложившемуся вокруг Ю.П. Францева, в который входили Э.А. Араб-Оглы, Г.А. Арбатов (начинавший как социолог), Г.К. Ашин, И.В. Бестужев-Лада, Д.М. Гвишиани, Д.В. Ермоленко, Г.В. Осипов, В.С. Семенов, Ю.Н. Семенов.

Особую роль в становлении научных исследований и преподавании философско-социологических дисциплин в МГИМО имела деятельность Ю.А. Замошкина и Д.В. Ермоленко. Первые аспиранты кафедры философии

в МГИМО, они быстро выдвинулись на научном поприще и стали одними из самых молодых профессоров в институте и в целом среди профессоров философии в стране. Оба начинали с изучения современной философии и социологии США. (Ю.А. Замошкин занимался американistikой в течение всей жизни.) Оба воспитали большое количество учеников и поддерживали живые контакты с альма-матер, перейдя на другую работу: Ермоленко — в МИД, Замошкин — в Академию наук.

Несмотря на многие совпадения в творческих биографиях Ю.А. Замошкина и Д.В. Ермоленко, их подходы к современному обществу во многом различались и, в определенной степени, обозначили рамку, в пределах которой формировались философско-социологические представления следующего поколения мгимовцев. Если Д.В. Ермоленко рассматривал политические процессы по преимуществу через призму макрополитики (баланса сил, построения системы договоренностей и противовесов), то Ю.А. Замошкин шел от индивида, личности, сложных коллизий, возникающих в сознании человека под влиянием массовизации производства материальных и духовных благ. Это был ход от индивидуального выбора и поведения к общесоциальным, макрополитическим процессам.

Очень разные по характеру, Юрий Замошкин и Дмитрий Ермоленко («Замоленко и Ермошкин», как звали их когда-то студенты в МГИМО) могли подтрунивать друг над другом: Ермоленко — над твидовыми пиджаками и трубками Замошкина, Замошкин — над престижным кабинетом и правительственным телефоном-«вертушкой» Ермоленко. За шутками стояло глубокое взаимное уважение: у Замошкина — к боевой молодости фронтовика Ермоленко, его мужеству и находчивости в сложных ситуациях, у Ермоленко — к талантливости, яркой творческой индивидуальности Замошкина, его независимости и чувству собственного достоинства.

Мы познакомились с Юрием Александровичем в 1962 году на одном из теоретических семинаров Комитета молодежных организаций СССР. Ю.А. Замошкин был тогда председателем научного студенческого общества МГИМО. У него была идея сделать КМО базой для научных исследований и политической практики студентов МГИМО. В этом ему помогали Андрей Грачев, Александр Лебедев и другие его аспиранты, ставшие потом известными деятелями международного молодежного движения, политиками, дипломатами. Ю.А. Замошкин очень глубоко, в деталях, в лицах знал проблематику "новых левых" — их истоки, развитие, трансформацию. В те годы из зарубежных философов и социологов (Ю.А. Замошкин был лично знаком и дружен со многими европейскими и американскими учеными) его особенно привлекал гарвардский круг сотрудников Питирима Сорокина — Т. Парсонс, Р. Мертон, У. Мур — и их учеников, составивших левый фланг американской социальной теории.

Интересы Ю.А. Замошкина не ограничивались Северной Америкой и Европой. Во второй половине 60-х годов Латинская Америка, которой я занимался, переживала "социологический бум" и стала местом паломничества звезд западной левой социологии, таких как И. Горовиц, А. Турен. Ю.А. Замошкин интересовался работами латиноамериканских коллег и их отношениями с развитыми странами. В Москве и на международном социологическом конгрессе в Варне в 1970-м году я участвовал во встречах Ю.А. Замошкина с бразильцем Ф. Кардозо, аргентинцем Дж. Джермани, колумбийцем О. Фальс-Борда.

В 1970 году Ю.А. Замошкин пригласил меня на работу в Институт общественных наук, где ректором был Ф.Д. Рыженко, бывший до этого ректором МГИМО. На кафедре Ю.А. Замошкина работала группа его учеников-мгимовцев — Э.Я. Баталов, В.П. Терин, П.Н. Шихерев и другие, а вокруг кафедры сложился блестящий круг профессуры, читавшей спецкурсы. Увы, в те годы у друзей нашей кафедры неоднократно возникали сложные, «внештатные» ситуации. Ю.А. Замошкин всегда брал их на себя. «Мы — мгимовцы, профессиональные политики, — говорил он. — Нам и отдуваться». Он любил действовать в связке с сильными лидерами — Ф.Д. Рыженко, потом с Г.А. Арбатовым, ценил их «просвещенный абсолютизм».

Работы Ю.А. Замошкина оказали воздействие на широкий круг исследований по политической философии, социологии, политологии, социальной психологии. В 80–90-е годы в активную научную деятельность включились уже «научные внуки» Ю.А. Замошкина — ученики его учеников.

Я вспоминаю Юрия Александровича всегда в окружении ярких, талантливых людей. Работать с ним было большой радостью.

* * *

Размышляя над судьбой поколения, к которому принадлежал Юрий Александрович Замошкин, неизбежно сталкиваешься с необходимостью определить само понятие «поколение», принять одну из его трактовок.

Поколение в традиционном обществе определяется на репродуктивной основе: отцы — дети — внуки. Общества модерна и постмодерна выдвигают на первый план событийный подход к определению поколения. Поколение формируется вокруг определенных исторических (политических, экономических, культурных) событий через выбор своего отношения к этим событиям. Такой подход глубоко увязывает идентификацию поколения с самоидентификацией личности.

Возрастные границы поколения, безусловно, сохраняют свое значение. Вместе с тем, мы видим, что люди одного возраста соотносят себя с разными историческими поколениями. Человек, попавший юношей на фронт и успевший провоевать несколько месяцев (а иногда и недель), внутренне на всю

жизнь относит себя к военному поколению. Он выбирает эту систему координат. Его сверстник, не имевший фронтового опыта, чаще соотносит себя уже с послевоенным поколением, для которого решающее значение имели другие события.

Люди входят в свое поколение в более раннем и в более позднем возрасте, в разные временные точки формирования самого поколения. Кто-то уходил на фронт тридцатилетним, кто-то — семнадцатилетним. В поколение «шестидесятников» один входил на первой волне «оттепели» пятидесятых, другой — перед событиями 1968 года. На симпозиуме, который проводил В.А. Ядов в 1994 году и который был посвящен российской социологической традиции 1960-х годов, Ж.Т. Тощенко определил себя как «позднего шестидесятника». Я присоединился к нему и сказал: «да, я тоже поздний шестидесятник».

Рассматривая поколение через призму выбора, прежде всего, видим выбор проблем. Осознание «своих» проблем — важнейший момент консолидации нового поколения и его размежевания с поколением предыдущим. За выбором проблем следует выбор решений — этап размежевания уже среди нового поколения. Причем это размежевание одновременно очерчивает мыслительный горизонт всего поколения в целом. И, наконец, выбор оценок (и самооценок) поколения — его встреча, размежевание с последующим поколением и момент соотнесения себя с традицией.

Однажды, уже в конце 1990-х годов мы обсуждали тему поколений с Э.А. Араб-Оглы. Э.А. согласился с трактовкой отмеченных выше ступеней и добавил: «Следует учесть, что каждое такое размежевание может быть взаимно разрушающим, обедняющим конфликтом и взаимно укрепляющей, обогащающей встречей, диалогом».

Поколение «шестидесятников» складывалось в большой степени вокруг проблематики новых технологий (научно-технической революции) и глобальных вызовов, связанных с этими технологиями. Глобальные вызовы последовательно открывались в 1940-е годы как угроза всеобщего термоядерного самоуничтожения, в 1950-е годы как мировая бедность, в 1960-е как экологический и ресурсный кризисы. 1960-е годы имели решающее значение для консолидации «постиндустриального поколения», его самосознания и размежевания — философского, политического, общекультурного — с предыдущими «индустриальными» поколениями.

1970-е и 1980-е годы принесли осознание радикальных отличий постиндустриальных, информационных сообществ (национальных, региональных и мирового) от сообществ индустриальных — отличий, не уступающих по глубине отличиям патриархальных, доиндустриальных сообществ от сообществ индустриальных. В эти же десятилетия оформляются основные конкурирующие модели постиндустриальной цивилизации: технократические и демократические.

Потрясения 1990-х годов совпадают с вхождением философского и политического поколения

«шестидесятников» в период подведения итогов и стимулируют его критическую самооценку. Рубеж веков и тысячелетий, отмеченный хаотизацией мирового сообщества, умножением глобальных угроз, преобладанием силовых методов над правовым регулированием, вскрывает изъяны теоретических моделей не только одного поколения, но многовековой традиции Просвещения, ее исчерпанность, неспособность справиться с усложнившейся ситуацией.

1990-е годы вывели на авансцену те теоретические модели, которые большинством поколения «шестидесятников» воспринимались как маргинальные. Речь идет о концепциях, исходящих из принципов хаоса, непредсказуемости, «деконструкции», с одной стороны, и из принципов Божественного предопределения, сакральных оснований человеческой деятельности, — с другой. Думаю, что в итоге мы имеем более полный и сбалансированный портрет нашего поколения.

На рубеже веков поколению «шестидесятников» приходится критически переосмысливать не только свой опыт, но и опыт предыдущих поколений, понимая теперь нашу глубокую внутреннюю связь с наследием всего XX, XIX и даже XVIII веков. Утопии Просвещения и наша классическая и неоклассическая наука покоятся на единых секуляризированных, конвенциональных основаниях. И сталкиваясь с духовными вопросами и вызовами нового поколения, сформировавшегося уже вокруг событий 1990-х годов, мы не можем довольствоваться формально-логическими конструкциями и технологическими ответами.

Глобальное информационное общество вступило в новую фазу. Роль обеспечивающих информационных технологий стала отходить на второй план. Вперед выдвинулись вопросы информационного содержания, культуры и языка как ее основного носителя. Лингвоинформационные поля начинают превалировать в новом мировом порядке над традиционными экономическими и политическими полями.

Пользуясь терминологией мир-системного анализа И. Валлерстайна и надстраивая его систему категорий можно сказать, что за 1990-е и 2000-е годы не только «мир-экономики» потеснили «мир-империи», но и сами «мир-экономики» оказались потесненными «мир-культурами». Гибкость и открытость культуры, сохранность ее ценностного ядра, пластичность и четкость языка становятся в современной ситуации основными национальными ресурсами, опережая по значимости сырьевые запасы и технологические наработки.

Последние два десятилетия серьезно изменили взгляды на аксиоматику культуры. Усилился интерес к сакральным основаниям культуры. Кризис конвенционализма, лежащего в основе современного международного права и системы международных отношений и подъем мировых культуuroобразующих религий создают, наряду со многими трудностями и опасностями переходного периода, основу для нового мирового порядка, базирующегося на взаимном доверии и сотрудничестве

и отвергающего баланс сил (страха) как условия международных отношений.

Новое поколение международных теоретиков и практиков — работает уже не только в системе координат «индустриальное — постиндустриальное» (и даже «пост-постиндустриальное»), но и в рамках парадигмы «секулярное-постсекулярное». Рассмотрение проблематики модерна и постмодерна идет не столько под углом зрения смены технологий, сколько смены духовных состояний. Взаимоотношения этих подходов и моделей, обозначающих размежевание уже в новом поколении, также могут быть как конфликтными и взаиморазрушающими, так и взаимообогащающими. Принятие истин веры не должно ни обесценивать, ни ограничивать философского и научного поиска, но, наоборот, стимулировать его и давать ему прочные основы.

Быстрыми темпами идет процесс восстановления единого культурного поля, духовной традиции России: преодолеваются разрывы культуры во времени (всплывают широкие пласты русской дореволюционной культуры), пространственные разрывы между культурой русского зарубежья и культурой, развивавшейся в Советской России. Можно надеяться, что и здесь новые поколения сумеют более взвешенно подойти к общенациональному наследию и объективнее оценить драматические события гражданской войны (при том, что переоценка Октября 1917 года была труднее для «шестидесятников» Советской России, а переоценка Февраля 1917 года — для наших сверстников в эмиграции).

Каждое поколение решает (или не решает) свои задачи. Встречаясь с новым поколением, мы можем дать ему пример спокойной и честной самооценки, помочь ему осознать себя, найти свое место в традиции. Но мы не должны решать за него его проблемы и попадать в ситуацию, о которой Э.Я. Баталов написал: «Стратегию для завтрашнего дня вырабатывают люди со вчерашним сознанием».

Решающие события в моей жизни — люди, страны, поступки — пришлось на 1960-е годы. Они определили круг общения, круг интересов, оценок, привычек, ощущения своего места в своем поколении. Встреча в те годы с Юрием Александровичем Замошкиным стала одной из наиболее значимых.

Другой определяющий период в моей жизни — начало 1990-х: крещение и приход в Церковь. Как эти события повлияли на мои отношения с моим поколением? Они привели к пересмотру многого в оценках и самого себя, и поколения. Но они не разрушили моих связей ни со старшими, ни со сверстниками, ни с младшими, не обесценили наших трудов, наших волнений, наших размышлений. Наоборот, сквозь наши дни и годы стали видны более широкие горизонты и более высокий смысл.

**Николай Никанорович Разумович
(1922–1990)**

Участник Великой Отечественной войны. Окончил МГИМО. Известный латиноамериканист. Внес большой вклад в возрождение отечественной политической науки. С 1962 г. по 1976 г. преподавал в МГИМО, в 1969–1976 гг. заведовал кафедрой теории и истории государства и права.

Мы познакомились с Николаем Никаноровичем в начале 60-х годов в МГИМО на его семинарах по государственному праву в странах Латинской Америки. Легкий и быстрый в движениях, он ходил по аудитории и рассказывал нам политическую историю региона на широком фоне истории мировой политической мысли. Рассказ Разумовича часто прерывался вопросами аудитории, что не возбранялось и даже поощрялось. Возникали беседы и споры, затрагивавшие подчас острые и не латиноамериканские, а отечественные сюжеты. Но чувство меры у руководителя семинара всегда присутствовало. При одном таком раскованном повороте разговора Разумович сказал: «Друзья, я вам открыл окно для того, чтобы смотреть, а не для того, чтобы прыгать».

Помню наш первый спор с Разумовичем по вопросу о «конституционном парадоксе» в Латинской Америке. Я высказывал сомнение в ценности конституций, списанных с европейских образцов и не совпадающих с политическими реалиями своих стран. Николай Никанорович настаивал, что даже самая распущенная политическая практика должна чтить свою Конституцию как «икону права».

Иногда мы вместе возвращались пешком из института. Я провожал Разумовича с Крымской до Восстания, иногда заходил к нему домой на Трубниковский. Если я отстаивал Юма, то он защищал Руссо. Если он восхищался «Вехами», то я оправдывал «Смену вех». Спор шел без скидок при понятной разнице возрастных и теоретических категорий.

Весной 1965 года я пришел на практику в отдел зарубежного права Института государства и права АН, привлеченный возможностью свободы, бесед с Разумовичем и быстрого завершения дипломной работы совсем не на правовую тему (по социально-экономическим моделям СЕПАЛ — экономической комиссии ООН для Латинской Америки). Отдел зарубежного права, которым руководил Самуил Лазаревич Зивс, был тогда в расцвете, и обсуждение новых рукописей часто превращалось в яркие и острые дискуссии.

Однако именно в такой дискуссии мне преподали хороший урок. Разумович представил рукопись монографии по политическим системам латиноамериканских стран (основу докторской диссертации). Зивс без всякой задней мысли, но явно переоценивая мой здравый смысл, попросил меня как латиноамериканиста прочитать рукопись и принять участие

в обсуждении. Забыв, что мы не на прогулке и не на студенческом семинаре, я напал на конституционализм и институционализм Разумовича с позиций сепалистского функционализма. Реакция опытных «бретеров диалектики» не заставила себя ждать: если уж студентам-практикантам видны просчеты автора, то о чем тут говорить ... Разумович был взбешен, Зивс обескуражен. Впрочем, Зивс очень тактично подвел итоги дискуссии, подчеркнув правомерность и взаимодополняемость различных подходов к теме.

Николай Никанорович был отходчив. Он выступил рецензентом по моей дипломной работе, оппонентом по кандидатской диссертации. Через несколько лет жизнь свела нас на другой площадке.

Окончив аспирантуру МГИМО, я перешел в Институт общественных наук на кафедру философии, которую возглавлял Юрий Александрович Замошкин. На кафедре, которая кроме философии вела курсы по социологии, политологии и праву, был сильный состав совместителей. Разумович читал спецкурс по истории политических учений. Разумович имел здесь возможность общаться с лидерами и функционерами широкого политического спектра, участвовать в неформальных встречах руководителей КПСС с теоретиками партий. Особый интерес Разумовича привлекал ход политических реформ в Мексике. Он считал, что опыт правящей Институционно-революционной партии по переходу от однопартийной к многопартийной системе содержит много поучительного для российских политических реалий.

Живые впечатления от встреч и бесед с политиками дополняли огромный объем постоянного чтения разнообразной литературы и находили отражение в лекциях Николая Никаноровича. Курс лекций Разумовича постоянно эволюционировал. Одни темы выходили на авансцену, другие затушевывались, отходили на второй план, менялись расстановки акцентов. В 80-е годы его особенно привлекали проблемы соотношения идеальных и опытных, конвенциональных и сакральных оснований права. Во многом этим темам посвящена его последняя книга по политической и правовой культуре античности. От античного права он хотел перейти к классической для русской мысли теме Закона и Благодати, христианской политической и правовой культуре. Эта тема намечена в заключении его книги о Древней Греции.

За четверть века общения — делового и дружеского — Николай Никанорович открывался мне разными сторонами своей даровитой и сложной натуры и биографии. У него были драматичные детство и юность. События своего детства и отрочества он пересказывал неоднократно, относясь к ним порой уже как к вариантам художественного сюжета. Такими были рассказы о его отце — священнике, уходящем в ненастную ночь, чтобы убедить голодающих крестьян не поднимать восстание, предупредить, что их провоцируют, что они окружены войсками НКВД. Фотография отца в священническом облачении висела на стене кабинета Разумовича в его последней квартире на Кутузовском проспекте.

Помню его рассказы о том, как он мальчишкой пробирался из ссылки из лагеря, где оставалась мать, в Москву к родственникам. Его рассказы о предвоенных арбатских, пречистенских переулках, о разворошенном быте 30-х годов, о закрывающихся московских храмах. Из тех лет у него осталась особая любовь к храму Илии Пророка в Обыденском переулке на Остоженке.

Разумович кинулся в войну как дети многих репрессированных, чтобы отодвинуть прошлое, стать на равных со сверстниками. Среди военных воспоминаний у него особенно выделялись тяжелейшие бои в Венгрии, где немецкие танковые армии старались вырваться из котла. Там Разумович получил контузию и пережил нервный срыв, в результате которого в течение нескольких лет он страдал приступами безотчетной и безудержной ярости.

Статус фронтовика открыл Разумовичу вход в МГИМО. Но и там, и позже, несмотря на свою открытость и щедрость в дружбе, он стоял особняком в своем поколении. Положение сына репрессированного (что скрывалось на протяжении многих лет) отодвигало его от сверстников с благополучными биографиями. Положение сына священника отодвигало его и от детей реабилитированных революционеров в пору хрущевской оттепели и хрущевских гонений на Церковь.

У Николая Никаноровича была особая тяга к семейному, домашнему теплу. В глубине души у него сохранялся идеальный образ семьи, схожий с пушкинским идеалом. Он цитировал пушкинские письма к жене. Старался сделать дом уютным, красивым. Своими руками мастерски восстанавливал антикварную мебель.

В начале 70-х годов я несколько дней гостил у Разумовича в Тарусе. Он снимал там дачу, мечтал построить или купить дом. Мы собирали грибы, спали на сеновале. Ходили в гости к поэту Аркадию Штейнбергу и его сыновьям — художникам Эдуарду и Борису. Штейнберг, судьбой и многими чертами характера схожий с Разумовичем, переводил тогда «Потерянный рай» Мильтона. Мы сидели в зарослях малины, слушали библейские сказания, сравнивали Мильтона и Данте.

Разумович завещал похоронить себя в Тарусе. Теперь я нередко прихожу к его могиле на старом тарусском кладбище.

Алексей Михайлович Салмин (1951–2005)

Окончил МГИМО. Один из ведущих отечественных политологов 90–2000-х годов. Профессор и декан политологического факультета МГИМО в 2004–2005 гг.

Духовный образ страны и духовный образ поколения запечатлены в неповторимых образах людей. Одним из таких деятелей и мыслителей поколения восстановления отечественной политической науки и возрождения русского Православия был Алексей Михайлович Салмин.

Но сначала еще несколько слов о человеке, от которого я впервые услышал о Салмине — о нашем общем

учителе и старшем друге Николае Никаноровиче Разумовиче. В 70-е годы вокруг Разумовича в МГИМО сложился кружок интересных ребят: Алексей Салмин, его сосед по общежитию Валерий Васильев (будущий Владыко Иннокентий), Юрий Пивоваров, Андрей Зубов... Кстати, в эти же годы в МГИМО учился Петр Паламарчук, создавший впоследствии известную иллюстрированную историю московских храмов («Сорок сороков»), учился Александр Кузнецов, ставший видным дипломатом и исследователем взаимоотношений МИДа и Церкви в Российской империи.

Окончив аспирантуру, я покинул МГИМО, но наши прогулки с Разумовичем по бульварам продолжались. Иногда по дороге мы заходили в Храм Илии Пророка в Обыденском переулке. Разумович молился, я стоял и молчал. (Теперь это просто выговаривается, но тогда это было большим его доверием ко мне.) Однажды к нам присоединился крупный молодой человек, удививший меня необычным языком. Он говорил на современные темы языком начала 20 века. Я еще встречал людей, получивших до революции гимназическое и даже университетское образование. Алексей Салмин говорил их языком с их интонациями.

Следующее воспоминание о Салмине связано с началом 80-х годов. Была такая международная программа «Диалог марксистов и христиан», которую координировали венские теологи и наш известный специалист по истории католицизма Николай Александрович Ковальский (тоже мгимовец и хороший знакомый Разумовича). Встречи проходили в разных странах. Однажды в Москве собрался круглый стол по проблемам религии и информационного общества. Трактровка постиндустриального общества как общества информационного считалась новинкой. Вообще поколение 60-х годов складывалось вокруг проблематики постиндустриального общества, его моделей и перспектив. Участвовавшие в круглом столе марксисты и неомарксисты (итальянские, испанские, югославские) пели хвалу высоким технологиям. Но и теологи не отставали. Вспоминали российских космистов, Вернадского, Шелера, Шардена. Все шло довольно стройно.

Вдруг выступил Салмин и заговорил об исчерпанности постиндустриального общества, грядущем кризисе коммуникационного быстрого действия, неизбежном переносе социального центра тяжести из сферы технологии в сферу культуры и ее духовного ядра. По существу, он предлагал заменить парадигму «индустриальное-постиндустриальное» парадигмой «секулярное-постсекулярное». Это было одной из первых деклараций нового поколения социальных теоретиков, потому что новое поколение отличают не новые интерпретации, а постановка новых проблем... Марксисты были удивлены, теологи были смущены. Но Салмин представил свои тезисы так добродушно и примирительно, что вызвал общую симпатию. Впоследствии я замечал: с ним часто спорили, но почти не сердились и не обижались на него.

Я был старше Салмина на семь лет. В молодости возрастная разница ощущалась сильнее. С годами

сгладилась. Но мы принадлежали к разным поколениям. Границу между поколениями обозначил 1968 год. Те, кто пришел в общественную жизнь хоть на несколько лет раньше, еще связывали себя с Утопией. 1968-й подвел черту под Утопией и на Востоке, и на Западе. Четче, яснее это ощутили те, кто пришел в политику, в науку, в литературу после 1968 года. Конечно, речь идет о наиболее чутких, к числу которых принадлежали Алексей Салмин и его друзья.

Политические и философские поколения формируются вокруг крупных исторических событий и каждое поколение выполняет последовательно три основные функции: постановки новых проблем (размежевания с предыдущим поколением); выбора вариантов решения этих проблем (размежевания внутри поколения); самооценки и соотнесения себя с традицией (размежевания со следующим поколением). Эти функции соответственно выполняют старшая, средняя и младшая группы в каждом поколении. Конечно, это схема, модель. В жизни все сложнее. Многое зависит от стечения обстоятельств, а иногда и личного выбора, к какому поколению вы примыкаете.

Салмин принадлежал к старшей группе поколения 1991 года. Причем его философское, политическое формирование началось рано, в начале 70-х годов, когда он вместе со своими институтскими друзьями пришел в Церковь. В начале 80-х годов он был уже вполне теоретически самоопределившимся человеком, хотя детали его политических конструкций впоследствии претерпевали немалые изменения.

В конце 80-х мы нередко встречались в Институте общественных наук, где Разумович читал спецкурсы, а Салмин участвовал в разнообразных встречах с руководством и теоретиками зарубежных политических партий. Разумович работал тогда над своей последней книгой по политической и правовой культуре античности. Он разделял мнение Отцов церкви, что античная философия, в лучших своих образцах, является «детоводительницей ко Христу». Во многом размышления Разумовича в те годы перекликались с работами Салмина, в которых христианство рассматривалось как исток европейской демократии Нового времени.

Вместе с тем Разумович считал, что России на пути от идеологической монополии к духовной свободе предстоит пройти период авторитарной политики (который он откровенно называл «полицейским государством») и призывал Салмина не увлекаться проектами многопартийности. «Знаете, Алеша, — говорил он нам, — в России есть две исторические партии: казаков и разбойников. И они очень похожи друг на друга».

В 1990-м году Разумович умер. В 90-е годы мы с Салминым встречались редко и двигались в противоположных направлениях. Я отошел от современных политических процессов и сосредоточился на истории философии. Салмин с головой окунулся в политику и как теоретик, и как практик. Правда, к своим новым чинам и должностям он относился шутливо и любил вспоминать пушкинскую эпитафию Ларина: «Господен раб и бригадир».

В конце 90-х мы неожиданно встретились в магазинчике русской книги в Латинском квартале в Париже. Салмин держал в руках один из томов «Сорока сороков» первого, эмигрантского издания. От него я узнал о смерти Паламарчука. Мы посидели в кафе, поговорили, решили совместно организовать в МГИМО юбилейные Бердяевские чтения.

В своем докладе, посвященном памяти Бердяева, Салмин говорил о том, насколько различной видится история России в 20 веке через призму политической утопии и через призму религии и Церкви. Россия через призму утопии: распад в начале века, террор и военный триумф в середине века, распад в конце века. Россия через призму религии и Церкви: духовный Ренессанс начала века, восстановление Патриаршества, бездна богоотступничества и вершина новомученичества в середине века, второе крещение в конце века. Он говорил о тайне русской Голгофы 20 века и сравнивал Россию с Израилем Ветхого и Нового Завета. Где и когда свершилось глубочайшее падение Израиля? На Голгофе. Где и когда свершилось высшее восхождение Израиля? На Голгофе. Где и когда свершилось глубочайшее падение России? На Соловках и в Бутово. Где и когда свершилось высшее восхождение России? На Соловках и в Бутово.

После Бердяевских чтений мы стали видеться чаще. Салмина тянуло в ALMA MATER, к студентам, аспирантам. Он начал читать в МГИМО спецкурсы, приглашать мгимовскую молодежь к себе на семинары в РОПЦ, в «Политию». Летом 2004 года мы встретились в Тарусе. Сходили на могилу Разумовича на старом городском кладбище. Салмин сказал, что он получил предложение стать деканом политологического факультета МГИМО.

В МГИМО Салмин вернулся с твердым убеждением, что гражданское — самодеятельное и ответственное — общество в России может строиться только вокруг Церкви и что в строительстве такого общества особая роль принадлежит союзу Церкви и Университета. Эту идею он воплотил в инициативной группе по образованию православной общины при МГИМО, став ее председателем и подготовив встречу Ректора и членов совета группы с Патриархом в апреле 2005 года. В итоге встречи Патриарх благословил создание Патриаршего подворья при МГИМО с храмом в честь Святого благоверного князя Александра Невского.

Иван Георгиевич Тюлин (1947–2007)

После окончания МГИМО в 1970 г. всю жизнь проработал в Институте, в том числе, в 1976–1990 гг. — директором Центра исследований международных отношений, в 1990–1992 гг. — проректором по научной работе, с 1992 г. по 2007 г. — первым проректором. Известный специалист по внешней политике Франции. Автор многочисленных трудов по теории международных отношений.

С Иваном Георгиевичем Тюлиным, а тогда, конечно, просто с Ваней мы познакомились в конце 60-х на семинаре Дмитрия Владимировича Ермоленко по моделированию международных отношений. Семинар проходил то в МГИМО, то в МИДе. Мы с Борей Старостиным были уже аспирантами, а Ваня был еще студентом, и нас удивило решение Дмитрия Владимировича поручить Тюлину подготовку ответственного заседания семинара, на котором должны были присутствовать ведущие специалисты ИМЭМО. Иван справился отлично, и мне запомнилась его манера свободно и достойно держаться в разговорах с собеседниками любого возраста и ранга. Он немного подражал Ермоленко, даже в мимике и интонациях голоса, но ему это сочетание солидности с юмором шло.

Познакомившись, мы с Ваней стали узнавать друг друга на выставках, концертах и премьерях спектаклей, где он часто появлялся со своей мамой Натальей Ивановной. Составился общий круг знакомых — не только международников, но и молодых музыкантов и художников.

Вскоре Тюлин стал аспирантом и основным помощником Ермоленко по проведению семинаров в МИДе, а также заседаний секций по международным отношениям в Социологической ассоциации и Философском обществе, которыми руководил Дмитрий Владимирович. В эти же годы Иван работал помощником Ректора МГИМО. Поэтому когда он защитил кандидатскую и стал руководителем Проблемной лаборатории системного анализа МО, то он уже всех знал и его все знали. В МГИМО он по существу выполнял ту функцию, которую выполнял Ермоленко в МИДе — соединения международников-ученых с международниками-практиками.

В период подготовки Международного политологического конгресса в Москве в 1979 году Иван был самостоятельной и заметной фигурой. На всех обсуждениях программы конгресса он твердо поддерживал курс Шахназарова на открытость отечественной политической науки (тогда еще не принято было говорить «политологии») и ратовал за ее связь с социологами, с конкретными исследованиями, что должно было предохранить нас от вторичности и заимствования чужих образцов, не вписывающихся в наши политические традиции.

В те же годы на разных площадках он выступал по вопросам внешней политики стран Западной Европы, исподволь стараясь преодолеть скептицизм и опасения по отношению к европейской интеграции, которые тогда широко бытовали в Москве.

Порой мы пересекались в зарубежных командировках, где Иван был прекрасным компаньоном в прогулках по паркам и средневековым европейским улочкам, по картинным галереям и, особенно, по букинистическим лавкам и развалам. Он любил хорошую кухню, и ему можно было довериться в выборе кафе, историю и меню которого он обычно знал.

После конгресса 1979 года мы некоторое время встречались реже. И вновь стали часто видеться в

конце 80-х годов, когда Тюлин решил защищать докторскую диссертацию в Институте общественных наук, где был создан первый диссертационный совет по политологии. Следовательно, он должен был обсуждать диссертацию на кафедре философии ИОН (отвечавшей и за политологию), которой я тогда заведовал. Тюлину предстояло защищать первую в стране диссертацию по политологии, и он готовился необычайно тщательно. Он опубликовал отличную монографию по концепциям французской внешней политики и несколько раз дорабатывал, отшлифовывал текст диссертации и автореферата. В конце концов, его обогнал другой мгимовец Коля Жданов, который получил диплом доктора политических наук №1, а Тюлин — №2. Мы их называли «политонавт №1» и «политонавт №2».

В этот период мы с моей женой Леной не раз бывали в уютной квартире Ивана и его мамы Натальи Ивановны на Большой Ордынке, где все отличалось изяществом: мебель, картины, убранство стола. У нас оказался целый пласт общих семейных воспоминаний. Мой отец, инженер-литейщик, знал отца Натальи Ивановны — академика Ивана Одингга, главу известной школы ленинградских металлургов. Наталья Ивановна знала и любила историю ленинградского театра предвоенных лет и с интересом спрашивала о сценических работах и знакомствах моей мамы в Ленинграде 20–30-ых годов.

После докторской защиты Тюлина мы планировали совместные работы политологов МГИМО и ИОН с участием специалистов из других институтов. Успели издать один сборник — «Мировое сообщество: философия политики и политические процессы», собирать который нам с Иваном помогала Таня Алексеева, в то время руководившая сектором философии политики в Институте философии. Презентация сборника была намечена на сентябрь 1991 года, но в этот момент политические процессы круто перешли из сферы теории в сферу практики. ИОН был закрыт и первым, кто позвонил мне с предложением о работе, был Тюлин. Я вернулся в МГИМО. Начался новый этап нашего сотрудничества, которое шло по нескольким направлениям.

Во-первых, по инициативе Торкунова был сформирован диссертационный совет, где совместно работали историки и политологи. Тюлин был назначен председателем совета, а я его заместителем. В объединении историков и политологов на этой стадии был большой резон, но и немалые трудности. Резон был тот, что представители научной дисциплины с большой традицией способствовали становлению молодой дисциплины и одновременно сами могли воспринимать дух ее новаций. Трудности заключались в том, что историки не без сопротивления воспринимали проблематику, а главное саму терминологию политологов, где как всегда в период подросткового самоопределения наряду с удачными категориями было немало группового жаргона. Потом политологи и историки разделились, но до сих пор

мы любим вспоминать наши совместные дискуссии, доброжелательность и тактичность Ивана Георгиевича в согласовании позиций и поисках оптимальных решений и формулировок.

Во-вторых, в 1997 году кафедры политологии и философии предложили создать межкафедральный семинар, руководителем которого стал Тюлин. На первом заседании докладчиком был Алексей Салмин, у которого только что вышла вторым изданием монография «Современная демократия: очерки становления». После него на семинаре выступали ведущие политологи МГИМО и других институтов. В тот год мы часто собирались у Тюлина, разбирая прошедшие заседания семинара, планируя будущие. Понемногу обсуждение проблематики семинара перерастало в обсуждение перспектив нового факультета политологии, который и был открыт в 1998 году.

В те годы мы часто встречались и у нас дома, поскольку Елена Шестопап стала вице-президентом Международной ассоциации политических наук и у нас нередко гостили политологи из разных стран. Большой компанией с шутками и шарадами по поводу нашей «родной мичуринской политологии» и ее героев мы проводили уходящий век и встретили новое столетие. Иван с большим обаянием участвовал во всех розыгрышах, его шутки всегда были точными и тонкими и никогда не были обидными.

Он вообще был удивительно обаятельным собеседником. Я часто просил его принять того или иного латиноамериканского посла и всегда эти встречи были теоретически содержательными, практически полезными и по-человечески теплыми.

Кроме диссертационного совета и политологического семинара мы на протяжении ряда лет совместно занимались изданием серии «Выдающиеся ученые МГИМО», где Иван Георгиевич был ответственным редактором выпусков, посвященных Замошкину, Ермоленко, Разумовичу и Шишкину. Он уделял большое внимание традициям МГИМО, как никто знал его историю и людей — преподавателей, студентов, выпускников разных лет.

Последний выпуск этой серии, вышедший под редакцией Тюлина, был вторым изданием сборника, посвященного Замошкину, где целью ставилось не только собрать воспоминания о Юрии Александровиче, но и поразмышлять над судьбами поколения шестидесятников. Сам Тюлин тоже считал 60-е годы решающими для своего становления. Он вообще рано повзрослел и легко находил общий язык с людьми, изрядно превосходившими его по возрасту.

Другой проект, который он возглавлял и в котором участвовали кафедры философии, социологии и дипломатии, был связан с проблемами межкультурного общения в современном мире. Проект этот получил грант по федеральной программе, включал

в себя проведение ряда круглых столов и конференций и завершился изданием коллективной монографии «Культура толерантности и опыт дипломатии». Трудно представить себе лучшего руководителя по данной тематике, чем Иван Георгиевич, который воплощал собой открытость к иной культуре и терпимость к иному мнению. Единственное, чего он не терпел, это хамство и невежество. Он был убежден, что нельзя добиться толерантности и взаимного уважения благими пожеланиями и призывами. Необходим труд, глубокое погружение в иную культуру, переживание иной традиции.

Для него самого такой культурой и такой традицией была западноевропейская, в первую очередь, французская. При этом он отлично сознавал все ее отличия от российской. Мне всегда было интересно следить за его беседами с другим «русским европейцем» Алексеем Салминым, также блестяще знавшим историю и культуру Франции. Тюлин скептически относился к идеям многопартийности и перенесения опыта европейского парламентаризма в Россию, которые увлекали Салмина в 90-е годы. И старался помочь Алексею преодолеть разочарования и огорчения, которые постигли того в сфере практической политики.

В свою очередь, Салмин старался помочь Тюлину преодолеть волны тревоги, которые охватывали того при размышлениях о кризисе культуры европейского Просвещения. При этом следует учесть, что Салмин придерживался позиции христианских основ европейской культуры, а Тюлин склонялся к точке зрения самодостаточного рационализма. Так что общность мнений в таких беседах присутствовала не всегда, но радости общения это не мешало.

Последний раз мы с Иваном говорили на эту тему уже после кончины Салмина. Весной 2007 года Тюлин попросил меня заменить его на встрече с главным редактором журнала «Эспри» (Иван, крайне обязательный в отношении намеченных встреч, должен был срочно ехать к врачу. Начинались его медицинские мытарства). Я рассказывал ему о беседе с французами, о сопоставлении этнических молодежных волнений 2000-х годов с молодежными движениями 60-х годов. Иван с горечью говорил о незащищенности европейской культуры перед вызовами этно-конфессионального радикализма, вспоминал беседы с Салминым...

В завершении хочу сказать еще об одной черте Ивана. Он умел быть первым, но он умел быть и вторым. Тандем Торкунова и Тюлина действительно спас МГИМО в труднейшие 90-е годы, стал примером человеческих отношений и для команды ректората, и для института в целом. 90-е годы — второе рождение МГИМО, этап, не уступающий, а, может быть, превосходящий по сложности первые годы МГИМО, период Францева, Тарле, Крылова... Теперь имя Ивана Георгиевича Тюлина — в их ряду.